

Болезнь и этническая идентичность русского писателя В.Л. Кигна-Дедлова

Цзи Хэхэ

На основе антропологического аспекта интерпретации болезни в статье рассматриваются тоска по родине, страх в русской школе и сомнение в своем таланте как симптомы болезни В.Л. Кигна-Дедлова и анализируются способы ее лечения – поиск «белорусского» на чужбине, постоянное возвращение на родину, долговременное путешествие, литературное творчество и вариация его стиля. В заключение отмечается, что в вышеуказанном процессе происходит трансформация этнической идентичности русского писателя белорусского происхождения.

Ключевые слова: Дедлов, болезнь, лечение, литературное творчество, этническая идентичность.

Based on the anthropological perspective of interpreting illness, this article examines homesickness, fear of Russian schooling, and doubts about his talent as symptoms of V.L. Kign-Dedlov's illness. It also analyzes its treatment methods – the search for «Belarusianness» in a foreign land, constant return to the homeland, long-term travel, literary creativity, and variations in style. In conclusion, it is noted that this process involves a transformation of the ethnic identity of the Russian writer of Belarusian descent.

Keywords: Dedlov, illness, healing, literary creativity, ethnic identity.

Введение. Болезнь является одним из наиболее распространенных явлений, однако люди в разных культурах, даже в одной и той же культуре разных эпох, определяют ее по-разному. Например, с точки зрения современной медицины адипоз – это болезнь, но в островном государстве Тонга полноту считают красотой. Такого мнения придерживались и китайцы в эпоху династии Тан, но сегодня жители Поднебесной в основном согласны с медиками. Кроме того, некоторые прежние болезни считаются нормальными и появляются «новые» (возможно, до этого уже существующие). Меняются и критерии определения одной и той же болезни. Таких примеров достаточно много. Отсюда возникают вопросы: Что такое болезнь на самом деле? Существуют ли общие критерии для постижения и классификации ее разновидностей? Есть ли общее в понимании болезни среди различных людей? Существует ли применимое к разным культурам определение болезни? Влияют ли последние на творчество?

Исходя из антропологического аспекта, американский ученый Роберт А. Хан (Robert A. Hahn) предложил концепцию болезни, которая отличается от биомедицины. Медицинский антрополог полагает, что болезнь – «это состояние, которого человек не хочет, или какая-то существенная угроза, которая приведет к этому состоянию. Нежелательное состояние может проявляться в любой части человека – теле, душе, опыте или отношениях, и его степень варьируется от человека к человеку» [1, с. 16]. Таким образом, понимание болен человек или нет, зависит не от объективных симптомов или диагноза врача, а от его субъективных ощущений. С этой точки зрения, стремление тонганцев из южной части Тихого океана к полноте не считается болезнью. Подобного мнения придерживается биоэтик и семейный врач Ховард А. Броди (Howard A. Brody), который в книге «История болезни» подразделяет признаки различных «болезней» на пять видов, в том числе представляющие угрозу индивидуальности человека и изменению социальной роли и социальных отношений [2, с. 22].

Основная часть. Русский писатель белорусского происхождения В.Л. Кигн-Дедлов оставил немало рассказов, повестей, очерков, писем, в которых выразил свои истинные чувства, в том числе обусловленные состоянием здоровья. Опираясь на новую концепцию сущности болезни, попытаемся проанализировать ее влияние на творчество автора.

Во-первых, тоска по родине. Когда В.Л. Кигну было четыре года, он с родителями переселился из Тамбова на родину матери – уезд Рогачев, где провел счастливые годы, о чем свидетельствуют его ранние рассказы о белорусской жизни. В детстве мать привила ему любовь к

Беларуси. Важно подчеркнуть, что благодаря детству на белорусской земле малая родина стала важным местом для самолечения писателя и политического деятеля, долгое время находившегося в России. Однако беззаботное состояние мальчика нарушилось в девятилетнем возрасте, когда его отправили в далекую Москву учиться. Позже писатель вспоминает, что, покидая родной край, он горько плакал, и трехдневная поездка от Могилева (Рогачев был частью Могилевской губернии в то время) до Москвы его сильно мучила [3]. Правда, великолепие русской столицы сразу рассеяло печаль человека из западного края Российской империи, но не надолго. Когда мать оставила В.Л. Кигна одного на чужбине, он впервые почувствовал одиночество и страх: «Ни на одну минуту не забывал, что не воротиться мне домой, что попаду я в стадо, и чужие люди будут на меня, если захотят, кричать. Ужас, настоящий ужас овладел мною <...> Слез вытекло у меня тогда огромное количество» [3, с. 92]. Позже, во время обучения в России, ученик с надеждой ждал каникулы, когда было можно вернуться домой – в Беларусь. Иными словами, разнообразная московская жизнь не могла развеять его тоску по родине. Через несколько лет В.Л. Кигн переехал в Санкт-Петербург, где также испытывал чувство тоски, которое даже мешало ему работать. В переписке с Чеховым писатель объясняет: «Петербург накаливает мне нервы. <...> Кроме того, в Питере я никогда ничего, кроме фельетонов, писать не мог» [4]. Это касается его адаптации к чужой среде, о чем он сообщает в письме В. Розанову: «До 46 лет прожил я в городе и все не могу к нему приспособиться: не живется, не думается, не работается» [5, с. 126]. А в родной деревне, хотя там жить было трудно и неудобно по сравнению с русскими городами, В.Л. Кигн-Дедлов завершил многие свои работы. Можно сказать, что в этом проявляется его привязанность к белорусской земле, которая считается одной из форм отражения белорусской идентичности писателя.

Во-вторых, страх, пережитый в начальной русской школе. В немецкой школе В.Л. Кигн чувствовал теплоту окружающих, а после перехода в русскую школу долгое время переживал нравственное страдание: «в России и в нашем пансионе жить невыносимо, потому что в пансионе и в России господствуют деспотизм и тайная полиция. Интеллигенции нельзя свободно вздохнуть <...> тебя обвинят в политической неблагонадежности и посадят в крепость. Пансионеры и русские граждане живут не так, как им хочется» [3, с. 163]. Кроме того, в воспоминаниях писатель рассказывает конкретные случаи, которые он своими глазами увидел. Например, двух первоклассников исключили из школы за вопрос извозчику «почем везешь с пуда»; ребята больше не видели мальчика, ответившего надзирателю «Я вам рожу разобью! С...н сын!»; у его приятеля появилась нервная горячка и он пропал больше месяца после того, как случайно пнул сапогами надзирателя; учитель немецкого языка в школе скрывал свою страсть к немецким кумирам; прослуживший в русской школе 30 лет надзиратель стал сумасшедшим. Следует отметить, что помешательством заразился и В.Л. Кигн, причем «настолько основательно, что и до сих пор не могу от него совсем освободиться» [3, с. 145]. Это связано и с неприятностями, которые ученик сам пережил: написанное им сочинение было сожжено учителем по политической причине; он был исключен в последний год обучения в школе. Эти события показывают белорусу, что за ним следили и следят. Постоянная тревога оказала на него чрезвычайно негативное влияние, последствия которого проявляются даже через десятки лет, о чем свидетельствуют слова самого литератора: «Я до сих пор испытываю нервную тревогу, когда при мне начинается разговор о надзорах, унтер-офицерах и субъектах с пронзительными глазами» [3, с. 202]. То есть, В.Л. Кигн получил душевные травмы в русской школе, что подтвердил российский ученый А.В. Чанцев [6, с. 93]. Важно добавить, что такое состояние повлияло на его белорусскую идентичность, что подробно раскрыто автором статьи [7].

В-третьих, сомнение в собственном таланте. Хотя через год после поступления в университет В.Л. Кигн уже опубликовал рассказ в известной газете «Неделя», в своем творческом таланте он сомневался. Поэтому написал письмо И.С. Тургеневу с просьбой о помощи. По совету знаменитого прозаика новичок в литературе в период 1877–1892 гг. написал ряд произведений («Облава» (1878), «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (1888), «Франко-русские впечатления» (1890). Однако молодой человек считался «как будто известным писателем» [5, с. 101], что в той или иной мере нанесло удар по его

уверенности в собственных силах. Писателя разочаровала и открытая критика Д.А. Каменецкого, который считает, что произведения В.Л. Кигна «всего больше страдают недостатком архитектоники» [5, с. 101]. В 1892 г. Дедлов напечатал повесть «Сашенька», в которой повторно разочаровался. В контакте с В.А. Тихоновым неудачник пишет: «настоящего таланта у меня нет» [8]. Даже его верный читатель – родная мать – осудила это произведение и его героя [9]. В результате у талантливого литератора вырабатывалось чувство неполноценности, которое доминировало долгое время. Об этом свидетельствует тот факт, что В. Розанов «постоянно психологически поддерживал В.Л. Кигна при возникновении у того каких-либо сомнений о своих творениях» [10, с. 230].

Если нежелательное состояние считается болезнью, то его ликвидация или ослабление рассматриваются как результат лечения. Следует отметить, что болезнь лечит не только медработник, но и сам больной, а лечение не ограничивается только фармакотерапией. Ниже мы попытаемся раскрыть то, как В.Л. Кигн себя лечил.

Во-первых, поиск «белорусского» на чужбине. Находившийся в чужой среде этнический белорус всегда интересовался «своими», чтобы в этом процессе приобрести душевное утешение. С.В. Букчин отмечает, что «в стенах московских гимназий, в аудиториях Петербургского университета Кигн будет ревниво прислушиваться ко всякому упоминанию о Белоруссии» [5, с. 92]. Помимо этого, в северной столице писатель часто общался с земляками, например, с искусствоведом А.В. Праховым. По словам А.Е. Ужанова, их связывают «прочные земляческие узы» [3, с. 8]. Необходимо отметить, что после 1876 г. В.Л. Кигн начал печататься под псевдонимом «Дедлов», который происходит от названия белорусского села. Начиная с середины 1880 гг., во время путешествий писатель также невольно находил «белорусское». Например, путник многократно ассоциировал итальянскую природу с белорусским болотом, лесом, рекой и климатом [11]; а в Сибири и на Дальнем Востоке он всегда активно общался с белорусами-переселенцами, обращал особое внимание на белорусские слова [12].

Во-вторых, постоянное возвращение на родину. Дом – это тихая гавань, где человек обретает спокойствие в душе. Во время обучения в Москве В.Л. Кигн всегда ждал возвращения домой, в чем видел огромное счастье. Например, он вспоминает тот день, когда вернулся на родину на летние каникулы в 1866 г.: «Счастливей этого дня – говорю это серьезно – в моей жизни не было. Первые несчастья миновали, и наступило первое в жизни сознательное счастье, и какое чистое, какое полное! Другого такого счастья не было и не будет» [3, с. 104]. После окончания университета писатель остался в России работать, но часто возвращался в Беларусь. В 1886 г. перед поездкой в Италию он остановился на малой родине, был уже ноябрь, но здесь ему чувствовалось тепло, потому что, по его словам, «я дома, в своей семье, на своей земле, под своей крышей» [11, с. 1]. В напечатанном в 1889 г. рассказе «Гости» герой-автор также отмечает, что только дома он чувствует себя «самим собой» [13, с. 233]. После этого путешествия политический деятель вернулся в Санкт-Петербург, но там находился только в зимний период, все остальное время проводил в белорусском Рогачеве. Постоянно на малой родине поселился в 1894 г. Причина заключается и в том, что его лечит белорусская природа. Здесь он «ощущал неуклюжую, но неиссякаемую и спокойную силу лугов, силу большой реки, силу необыкновенного плодородия почвы, силу ее бесчисленных сынов» [13, с. 242]. Позднее в переписке с В. Розановым В.Л. Кигн пишет, что дома «чувствую себя очень счастливым, в собственноручно посаженном и уже тенистом саду, в свежем лесу, в огороде со своими ягодами, редькой и ботвой» [5, с. 124].

В-третьих, долговременное путешествие. С точки зрения психологии, путешествие не только пространственное движение, но и эффективный способ самолечения. За это время человек может временно оставить работу и забыть хлопоты. Для В.Л. Кигна путешествие за рубежом – возможность удалиться от русской социально-политической среды, которая нервирует его. В 1886–1887 гг. политический деятель оставил службу и отправился в Италию, Египет и Турцию. Во время этого путешествия белорус впервые близко познакомился с нерусским обществом. Через года два он участвовал в Парижской выставке. Именно в контакте с другими культурами у писателя сформировалось представление об оппозиции «свой – чужие», он начал

обращать внимание на «русское» на чужбине. В первой половине 1890 гг. чиновник путешествовал на Урале и Крыму, в Бессарабии, Польше, Болгарии, Финляндии и Швеции, а в 1896 г. ездил в Сибирь и на Дальний Восток. Разница между русской и нерусской культурами углубила его представление о «своих» [14], в результате писатель назвал Польшу и Болгарию русскими местами, а Сибирь и Дальний Восток – нерусскими. За это время в сравнении и размышлении он уделил повышенное внимание русскости, что ярко отражается в эссе «Киевский Владимирский собор» (1901). Таким образом, у писателя белорусского этнического происхождения сформировалась «русская» идентичность. Необходимо отметить, что здесь значение слова «русский» намного шире, чем его сегодняшнее употребление [15].

В-четвертых, литературное творчество и вариация его стиля. Известно, что творчество – способ катарсиса, оно может облегчить подавляемые эмоции человека в определенной степени. Скукая по дому в Москве, В.Л. Кигн на полях своей тетради оставил такие произведения, как «В поле», «В доме», «Таракашка-мурашка» и «Новый год», где вспоминает белорусскую жизнь. По сравнению с тоской по родине страшные испытания в школе сильнее мучили будущего писателя. А.В. Чанцев отмечает, что «попытки преодоления этих травм с юности были одним из основных побудительных импульсов его писательства» [6, с. 93]. На этом фоне писатель в 1876 г. опубликовал психологический очерк «Экзамен зрелости», на основе которого позднее написал автобиографическую повесть «Школьные воспоминания», в которой подробно описал свою несчастливую школьную жизнь. Само название произведения показывает, что идея молодого человека созрела. По его словам, «пятнадцать–шестнадцать лет – критический возраст. Тут человек-бутон почти мгновенно раскрывается и превращается в цветок – в розу, фиалку или какую-нибудь собачью ромашку, что кому предназначено» [3, с. 160]. В более поздних произведениях белорусскую склонность литератор сознательно спрятал. С одной стороны, это выражение своей истинной любви к Беларуси, а с другой, самозащита в определенной социальной среде. Что касается литературного таланта, то, начиная с середины 1890 гг., В.Л. Кигн в основном писал художественную публицистику, где ярко проявил «русскую» и российскую склонность, особенно после того, как открыто опроверг свое польское и немецкое происхождение и объявил себя «русским». Именно эти произведения прославили его имя в российском обществе в конце XIX – начале XX вв., в этом отражается его «житейский прагматизм» [16, с. 249–250]. В дополнение к этому отметим, через сто лет после смерти писателя в России переиздали эти труды и считают его патриотом.

Заключение. Если, с точки зрения антропологической медицины, человек чувствует себя ненормально, а у него не проявляются объективные симптомы, то можно сказать, что он заболел. Во время нахождения в России В.Л. Кигн-Дедлов страдал тоской по родине, пережил страх и тяжелый стресс, мучился от неудачи в творчестве, а потому и попытался лечить себя. В результате писатель активно находил «белорусское», постоянно возвращался на малую родину, многократно путешествовал, и через творчество выразил свои самые разные эмоции. В этом процессе отражалась как его белорусская идентичность, так и «русская», что показывает трансформацию идентичности русского писателя белорусского этнического происхождения.

Благодарность: 本文系 2025 年度河南省高校人文社会科学研究一般项目“中国本土民族理论视域下俄国作家杰德罗夫的民族认同研究” (项目编号: 2025-ZDJH-685) 的阶段性成果 (Работа выполнена при финансовой поддержке Хэнаньского фонда общественных и гуманитарных наук № 2025-ZDJH-685 «Исследование этнической идентичности российского писателя Дедлова в рамках китайской этнической теории»).

Литература

1. Хан, Р. Болезнь и лечение из антропологического аспекта / Р. Хан. – Шанхай : Восток, 2010. – 424 с. (На китайском языке)
2. Brody, H. Stories of Sickness / H. Brody. – New Haven : Yale University Press, 1987. – 210 p.
3. Дедлов, В. Л. Киевский Владимирский собор. Школьные воспоминания : художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Наука, 2007. – 240 с.

4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 331. Оп. 47. Ед. хр. 36.
5. Букчин, С. В. Дорогой Антон Павлович : очерки о корреспондентах А. П. Чехова / С. В. Букчин. – Минск : Наука и техника, 1973. – 143 с.
6. Чанцев, А. В. Дедлов / А. В. Чанцев // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь ; под общ. ред. П. А. Николаева. – М., 1992. – С. 93–95.
7. Цзи, Хэхэ. Трансформация национальной идентичности героя в «Школьных воспоминаниях» В.Л. Кигна-Дедлова / Цзи Хэхэ // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы XIII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нарадж. чл.-кар. НАН Беларусі праф. А.А. Лойкі, Мінск, 28–29 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Важнік [і інш.]. – Мінск, 2021. – С. 216–220.
8. Институт русской литературы. – Ф. 567. Ед. хр. 19.
9. Институт русской литературы. – Ф. 127. Ед. хр. 5655.
10. Ломоносов, А. В. В.Л. Кигн-Дедлов и В.В. Розанов по материалам переписки ОР РГБ и РО ИРЛИ / А. В. Ломоносов // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 4. – С. 229–234.
11. Дедлов, В. Л. Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции / В. Л. Дедлов. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1888. – 482 с.
12. Дедлов, В. Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири : художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2008. – 456 с.
13. Дедлов, В. Л. Мы / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2010. – 304 с.
14. Цзи, Хэхэ. Оппозиция «свой/чужой» в очерках В.Л. Кигна-Дедлова «Вокруг России» как отражение авторской национальной идентичности / Цзи Хэхэ // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – 2020. – Вып. 28. – С. 348–352.
15. Цзи, Хэхэ. «Русский» в восприятии В.Л. Кигна-Дедлова / Цзи Хэхэ // Рэгіянальнае, нацыянальнае, агульначалавечае ў славянскіх літаратурах : матэрыялы Міжнародных навуковых чытаньняў, прысвечаных памяці народнага пісьменніка Беларусі, акадэміка І.Я. Навуменкі, Гомель, 8–9 кастр. 2020 г. / ГДУ імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: І. Ф. Штэйнер [і інш.]. – Гомель, 2020. – С. 95–99.
16. Запольская, А. И. Дедлов / А. И. Запольская // Русские писатели. Библиографический словарь ; под ред. П. А. Николаев. – М., 1990. – С. 249–251.